RU

Сюжет о «путешествии в Венецию»: из топографии в биографию
(на материале книги Е. Марголис «Следы на воде»)

Константинова Н. В.

Аннотация. Цель исследования – определить специфику способа создания сюжета о «путешествии в Венецию» в книге Е. Марголис «Следы на воде» в соотношении со сложившейся литературной традицией. В статье проясняется роль авторефлексии пишущего субъекта, описания ментальной сущности своего перемещения в пространстве; выявляется механизм текстопорождения истории о путешествии в Венецию, которое превращается в процессе создания сюжета в путь к себе, к познанию себя; обосновывается правомерность исследования текста современной литературной венецианы в контексте традиции жанра травелога. Научная новизна исследования заключается в изучении принципов сюжетосложения венецианского текста современной русской литературы. В результате доказано, что в книге Е. Марголис «Следы на воде» сюжет о «путешествии в Венецию» последовательно меняется, превращаясь из топографии в биографию.

EN

Plot about a “Journey to Venice”: From a Topography into a Biography
(by the Material of E. Margolis’s Book “Traces on the Water”)

Konstantinova N. V.

Abstract. The research aims to determine specificity of the method used to create the plot about a “journey to Venice” in E. Margolis’s book “Traces on the Water” in relation to the established literary tradition. The paper clarifies the role of a writing subject’s self-reflection, description of the mental essence of one’s movement in space; reveals the mechanism of text generation of the story about a journey to Venice, which turns into a path to oneself, to self-understanding in the process of developing the plot; provides justification for the study of the text belonging to modern literary Venetiana in the context of the travelogue genre tradition. Scientific novelty of the research lies in studying plot composition principles in the Venetian text of modern Russian literature. As a result, it has been proved that the plot about a “journey to Venice” in E. Margolis’s book “Traces on the Water” changes in a successive manner, from a topography turns into a biography.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в контексте современной литературной венецианы произведение Е. Марголис «Следы на воде» наиболее репрезентативно представляет авторефлексию автора о способе создания сюжета о «путешествии в Венецию» в соотношении со сложившейся литературной традицией. Такой способ самоописания нарративной стратегии повествования, безусловно, позволяет выявить современные тенденции не только в принципах сюжетосложения традиционного венецианского текста (в рамках теории свертктекста), но и определить новые векторы развития авторских установок в контексте эволюции жанра травелога. Характерной особенностью произведения Е. Марголис «Следы на воде» является четко выраженная позиция профессионального филолога, который параллельно создает текст и интерпретирует его, описывает хронологически реальное путешествие в Венецию и при этом определяет его ментальную сущность. В связи с этим вопрос о специфике сюжетосложения книги Е. Марголис является актуальным в рамках изучения поэтики современной литературной венецианы.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- прояснить роль авторефлексии пишущего субъекта в процессе сюжетосложения текста о путешествии;
- выявить механизм текстопорождения истории о путешествии в Венецию, которое превращается в процессе создания сюжета в путь к себе, к познанию себя;

- обосновать правомерность исследования текста современной литературной венецианы в контексте традиции жанра травелога.

Для осмысления специфики способа создания сюжета о «путешествии в Венецию» в книге Е. Марголис «Следы на воде» в статье применяются следующие методы исследования: структурно-семиотический и герменевтико-интерпретационный. С помощью системного подхода обеспечивается аналитическое описание принципов сюжетосложения в произведении современной литературной венецианы.

Теоретической базой исследования послужили публикации Н. Е. Меднис (1999), О. В. Соболевой (2010), О. Ф. Ладохиной (2016), в которых рассматриваются особенности поэтики как традиционных (классических), так и современных произведений литературной венецианы, а также статьи Ю. М. Лотмана (1970) по теории сюжета.

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемый в статье новый принцип создания сюжета о «путешествии в Венецию» в произведении современной русской литературы может быть использован в педагогической деятельности для усовершенствования образовательного процесса: в курсах по истории отечественной литературы XX века, теории литературы на филологических факультетах университетов и педагогических вузов, при подготовке спецкурсов и спецсеминаров.

Основная часть

Венецианский текст современной русской литературы (несмотря на популярность) практически не исследован, особенно произведения последних лет. В отдельных работах, например, в исследованиях О. В. Соболевой (2010), встречаются рассуждения о признаках, которые свидетельствуют о стремлении преодолеть традицию предшествующей литературной венецианы. При этом, как правило, акценты делаются на стиле повествования, временных и пространственных характеристиках. Однако принципы сюжетосложения таких путешествий не становятся центральным предметом исследования.

В то же время произведение Е. Марголис является примером и оригинального сюжета о «путешествии в Венецию», и своего рода «сюжета о сюжете». С одной стороны, читатель в книге «Следы на воде» знакомится с описанием реального (автобиографического) путешествия героини в Венецию, с другой стороны, он наблюдает последовательное повествование о том, как складывается в сознании пишущего субъекта понимание ментальной значимости этого перемещения в пространстве. Венеция в этом произведении представлена не конечной точкой маршрута, к которой стремится человек, не итогом пути, а, напротив, точкой, которая определяет дальнейший выбор движения, становится точкой зрения, фокусом, ракурсом, позволяющим увидеть и понять необходимое Начало пути.

Кроме того, наличие в тексте последовательного хронологического описания (на уровне автобиографических записок) путешествия героини в Венецию позволяет выявить в книге Е. Марголис признаки жанра травелога. Безусловно, в этом случае обращает на себя внимание нарративная стратегия автора-путешественника, который не только объективно описывает увиденную реальность, но и выражает свое эмоциональное отношение к такому перемещению в пространстве, подробно характеризуя в первую очередь свое психологическое состояние, изменение своей духовной жизни, картины мира. Именно в сознании автора-путешественника в процессе описания своего реального маршрута пути и происходит духовное преображение. На эту особенность организации нарратива текста «Следы на воде» мы обращаем внимание в статье, посвященной изучению феномена текста современной литературной венецианы в контексте жанра травелога, и фиксируем следующие важные элементы образа нарратора: «При этом примечательно, что автор представляет собой совокупность не двух традиционных категорий – автор и путешественник, а множество: художник, лингвист, философ, переводчик, эссеист, гид, герой романа о путешествии, историк и т.д.» (Константинова, 2021, с. 38). Такая многомерность авторской стратегии, конечно, является признаком современного текста о путешествии, в котором отражаются не только черты сложившейся традиции, но и инновации.

На подобную тенденцию в описании образа Венеции – осознания значимости путешествия в этот город – указывала Н. Е. Меднис (1999), предполагая возможные пути развития этого городского сверттекста в русской литературе XXI века. Уже по произведениям конца XX века становится понятно, что образ города в большей степени сориентирован скорее на представления о нем, чем на Венецию реальную. В связи с этим наблюдается процесс создания в литературе Венеции как образного метатипа, в котором актуализируются символические контексты (Демидур, спасение, инобытие, рай и т.д.), а путешествие в этот город превращается в особый духовный путь.

Учитывая на эту особенность в понимании Венеции, мы в своем исследовании, анализируя принципы сюжетосложения, опираемся на концепцию Ю. М. Лотмана (1970), который выделяет событие как исходное понятие сюжета. В тексте о путешествии в Венецию Е. Марголис в большей степени актуализируется не столько последовательное описание событий, которые происходят с героиней в ее физической жизни, а процессы ее духовного изменения, события в значении «перемещения персонажа через границу семантического поля» (с. 282). Таким образом, характеризуя сюжет о «путешествии в Венецию» в современном литературном произведении, мы обращаем внимание на логику описания подобного рода событий.

Если же определять некий доминантный фокус авторского взгляда на Венецию, то он, безусловно, выделяется благодаря целому комплексу элементов, представляющих в тексте феномен И. Бродского. Так, в частности,

его эссе «Набережная неисцелимых» становится в книге Е. Марголис своего рода семантическим ключом и к определению специфики сюжетной линии текста, и к общему пониманию природы Венеции как экзистенциального объекта. Остановимся на этом подробнее.

В первую очередь, хотелось бы обратить внимание на комментарий Н. Е. Меднис (1999) в книге «Венеция в русской литературе», в разделе о текстах Бродского (в частности, об этом его эссе «Набережная неисцелимых»): «Венеция для И. Бродского никогда не замыкалась в ее географической и исторической реальности. Она являет собой воплощение разноуровневых универсалий, наиболее очевидная из которых связана с абсолютной красотой, наименее зримая – с началом творения мира и началом жизни» (с. 335). При этом семантика Начала выделяется Ниной Елисеевной и в связи с характеристикой описания этапов пути – путешествия по Венеции в эссе Бродского: «...в его венецианских эссе столь сильно и последовательно звучит мотив первородности, к которой приобщается человек в Венеции. Он словно начинает в своих ощущениях движение вспять, к исходной точке» (с. 336). Показательно, что этот принцип описания сюжета о «путешествии в Венецию» становится своеобразной «внутренней» логикой нарратива книги Марголис.

И акцентируется эта логика уже в первом фрагменте (своеобразном поэтическом вступлении) – в собственном стихотворении «На обратном пути», объясняющем замысел книги:

«Тут всякий жив.

Тут подлинник не тронут.

Тут рифма и размер сохранены.

Тут всякая строка читается с конца

К той самой первой и заглавной букве.

Тут жили-были, тут в начале было...

В начале было имя для всего.

И ты плывешь назад, к началу своего» (Марголис, 2015, с. 16).

При этом, конечно, автор текста также последовательно анализирует этот процесс понимания особенности пути по Венеции и в Венеции, так возникает особый сюжет – о сюжете «путешествия в Венецию».

На первой стадии развития сюжета Е. Марголис (2015) фиксирует необычный факт – собственное сопротивление этому путешествию: «Сейчас странно вспомнить, что в Венецию в первый раз я попала случайно, почти против собственной воли. Получив возможность поехать в Италию, я с юным снобизмом решила, что в Венецию точно не поеду. Раз туда все ходят, значит, это общее место. Зачем тогда? Что мне Венеция? И “Набережная неисцелимых” намеренно осталась дома непрочитанной. Итальянцы уговорили хотя бы одним глазом взглянуть на Венецию, пришлось сделать из вежливости. Следующие пять дней в Падуе я только ночевала, а жила – в самом полном смысле этого слова – в Венеции и Венецией» (с. 317).

В этом фрагменте стоит обратить внимание на специфику взгляда из другой временной точки: «Сейчас странно вспомнить». После осознания другой сущности – ментальной – этого пути автор указывает на странность прежнего мировосприятия: пытаюсь уйти от шаблонов в путешествии по Италии – «Раз туда все ходят, значит, это общее место» – человек, напротив, заблуждается. И в дальнейшем Е. Марголис (2015) как раз и опровергает свою прежнюю логику восприятия такого пути в Венецию: «Венеция видится такой, какой мы ждем ее и какой мы ее себе представляем. Образ этот дробится в отражении сотен созданных в ее честь произведений. Но точнее всего она отражается в самой себе. Станет ли ваш приезд сюда всего лишь данью нарциссизму или же превратится во что-то большее – зависит только от вас. Дело не только в отражениях. Венеция – не общее место, а личное пространство, которое обещает встречу с самим собой» (с. 318).

На этом этапе пишущий о Венеции путешественник очевидно меняет акценты в описании семантики пространства своего пути: из географического, привычного, общедоступного оно превращается уже в «личное», экзистенциальное движение к себе. Физическое путешествие трансформируется в ментальное. Венеция становится собственной душой, в которой человек пытается найти себя: «Но она (Венеция. – Н.К.) – всего лишь проекция мира внутреннего. Идеальная топография души» (Марголис, 2015, с. 330).

С момента этого осознания и начинается иная траектория движения – «На обратном пути». При этом все более устойчиво в этом сюжете «путешествие в Венецию» соотносится в сознании героини с «путешествием в детство», с возвращением к началу своего биографического пути. Венеция оказалась для нее неожиданным отражением Переделкино: «Я не знала, что здесь я встречу свое утраченное детство и юность. Я не приехала. Я вернулась» (Марголис, 2015, с. 330).

При этом возвращение связано с началом жизни с чистого листа, с новыми шагами – следами на воде. Кроме того, следует указать, что представление о пути как хождении по воде актуализирует в тексте и известный библейский сюжет, позволяющий также выявить иной, метафизический смысл путешествия человека к познанию высших смыслов, что выражает и семантику обратного пути, к основам бытия (к своеобразному «детству человечества», к Началу). Эта особенность совмещения в сюжете о «путешествии в Венецию» разных культурных кодов акцентирует внимание читателя на метафизической природе этого города, обнаруживает признаки этого города как метатипа.

Автор в процессе письма осознанно рефлексировал о том, что это не она создает текст о Венеции, а Венеция позволяет ей создать текст – более важный, начать жизнь с белого листа, найти способ для личностного обновления через процесс текстопорождения. Метафора путешествия как самовозрождения посредством заполнения

белого листа коррелирует с другой метафорой – хождением по воде как обретением истинного пути: «Только теперь пытаюсь прочесть теми же глазами перевод этого стихотворения: отражения мостов, главы фасадов, строки свай на серебристой мятой поверхности лагуны. Хотя бы увидеть, потрогать, услышать и, может быть, понять, осмыслить эти следы на воде через следы на белом листе» (Марголис, 2015, с. 320). Так, путешествие в Венецию становится началом новой биографии, отправной точкой в личностном экзистенциальном путешествии.

Важно отметить, что такое восприятие Венеции соотносится в тексте Е. Марголис (2015) с позицией человека, постоянно проживающего в Венеции и никуда из нее не выезжавшего в своей жизни. В описании диалогов главной героини с местным жителем, венецианским рыбаком Франческо, встречаем такой комментарий: «Эссе (речь идет об эссе «Набережная неисцелимых». – Н. К.) он не читал, а о Бродском он слышал только, что есть такой русский поэт, который часто приезжает в Венецию. К нам все приезжают. А он за свои сорок пять лет никуда добровольно из Венеции не выезжал. Венеция – по его словам, равна вселенной. В ней есть все, что ему нужно в этом мире» (с. 318). В картине мира Франческо отсутствует представление о необходимости пути как способе достижения ментальных смыслов. Таким образом, сюжетная линия о взаимодействии главной героини с рыбаком-венецианцем, кроме любовной интриги, выражает основную цель путешествия в Венецию – обрести истинные экзистенциальные смыслы, оценить их значимость на собственном жизненном пути, понять, что не надо никуда двигаться, надо остановиться и вернуться к себе. Показательно, что именно в Венеции становятся очевидными те философские категории, которые человек пытается мучительно осознать вне этого пространства. Так, рыбак-венецианец воспринимает открытия известного русского поэта как общее место для всех местных жителей: «Ну что там пишет твой поэт – небось, что вода равняется времени? Для всякого венецианца это очевидно. Но я рад, если твой Бродский это понял» (Марголис, 2015, с. 319). При этом собственная жизнь Франческо (особенно ее трагический финал) оказывается неожиданным повторением сюжетной ситуации литературного произведения И. Бродского.

Так, венецианец и его биография становятся своеобразными ориентирами в сюжете книги Марголис о путешествии к себе. Неожиданно в собственном травелоге пишущий субъект обнаруживает феномен топографии Венеции (вселенная, где есть все, что нужно в этом мире), что и становится началом нового сюжета – истории о самопознании, возвращении к себе как к целостной и самодостаточной личности.

И в финале текста Е. Марголис (2015) демонстрирует разгадку лингвистической задачи, поставленной в начале, символически подводя итог особому путешествию: «Не так ли начинающийся на первых страницах поиск себя неизбежно ведет к выходу за калитку собственной биографии в то открытое поле сопредельных людей и событий, где только и может сбыться написанное» (с. 360).

Так, текст о Венеции на уровне сюжета постепенно в травелоге Марголис превращается в автономный самоанализ, цепочку событий – этапов преобразований в духовной жизни героини, комментарий собственного жизненного пути (экзистенциального прозрения благодаря погружению в пространство Венеции), из топографии (автобиографического описания путешествия в Венецию) превращается в биографию (саморефлексию о возвращении к себе, о пути к обретению возможности начать жизнь с чистого листа).

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Сюжет произведения, представляющего пример современной венецианы, является модификацией традиционного варианта сюжета о «путешествии в Венецию». Венеция как притягательный итог пути, как способ познания мира, как культурный центр превращается в символ Начала пути к себе, становится отправной точкой движения назад, к истокам собственной самости. А сам процесс путешествия становится метафорическим – осознается как метафизическое перемещение человека в пространстве смыслов.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении нарративной структуры произведений Е. Марголис о Венеции, выявлении синтеза сюжетных ситуаций, представляющих разные жанровые образования в структуре текста.

Источники | References

1. Константинова Н. В. Современный текст о Венеции в контексте традиции жанра травелога (на материале книги Е. Марголис «Следы на воде») // Текст и контекст: литературно-культурные связи: монография / под ред. Н. В. Константиновой. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного педагогического университета, 2021.
2. Ладохина О. Ф. «Следы на воде»: путешествие в Венецию Кати Марголис как разрушение инвентаризированного туристического мифа // Травелоги: рецепция и интерпретация: сборник статей / сост., отв. ред. Э. Ф. Шафранская. СПб.: Свое издательство, 2016.
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.
4. Марголис Е. Следы на воде. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015.
5. Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1999.
6. Соболева О. В. Венецианский текст в современной русской литературе: продолжение и преодоление традиции // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 5 (11).

Информация об авторах | Author information**RU****Константинова Наталья Владимировна¹**, к. филол. н., доц.¹ Новосибирский государственный педагогический университет**EN****Konstantinova Natalya Vladimirovna¹**, PhD¹ Novosibirsk State Pedagogical University¹ *scribe2@yandex.ru***Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 27.09.2021; опубликовано (published): 30.11.2021.

Ключевые слова (keywords): путешествие; сюжет; венецианский текст; топография; биография; journey; plot; Venetian text; topography; biography.